

<Н. Н. Страхов>

Тяжолое время

(письмо въ редакцію "Времени")

"Время", No 10, 1862

Оригинал здесь -- <http://smalt.karelia.ru/~filolog/vremja/1862/Octobr/tyazhvr.htm>

Ума холодныхъ наблюдений

И сердца горестныхъ замѣтъ.

Пушкинъ

Помните ли вы, милостивый государь, тотъ нумеръ "Гудка", гдѣ между другими совѣтами дѣлается также увѣщаніе г. Страхову прекратить со мною знакомство? Признаюсь вамъ, что увидѣвъ эти коварныя строки, я пришолъ въ большое смущеніе. Давно уже замѣчалъ я, что г. Страховъ неблагоклонно смотритъ на мои письма къ вамъ; несмотря на довольно короткое знакомство со мною, онъ или вовсе не говорилъ объ нихъ, или же отзывался какими-то очень неопредѣленными фразами. А что, подумалъ я, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ послушается совѣта "Гудка"? Вѣдь нынче, говорятъ, печать имѣетъ страшную силу. Не долго думая, я бросился къ г. Страхову.

Дорога была не близкая. Должно было было грязно, тряско, холодно; но ничего этого я не помню. Дѣло въ томъ, что мало-помалу, меня начинала угрызать совѣсть. Я ѣхалъ, глубоко задумавшись. Сталъ я припоминать, въ чемъ меня печатно упрекали; вспомнилъ я, что въ одномъ журналѣ меня печатно упрекали; вспомнилъ я, что въ одномъ журналѣ меня называли *мрачнымъ*; въ другомъ еще лучше -- *лишоннымъ гуманности* (причемъ въ примѣръ гуманности мнѣ былъ поставленъ П. Л. Лавровъ), въ третьемъ наконецъ меня называли *свирѣпнымъ*; вспомнилъ я, что меня пространно упрекали въ злости, да еще въ какой! въ чистой злости для злости, подобной чистому искусству для искусства. Неужели, думалъ я, эта нерадостная репутація имѣетъ какое-нибудь основаніе? Знаю я, очень хорошо знаю, что не могу я равняться гуманностію съ П. Л. Лавровымъ; но чѣмъ выше эта гуманность, тѣмъ больше степеней отдѣляетъ ее отъ злобы. Ужели я стою ниже всѣхъ этихъ степеней? Ужели во мнѣ есть искра злобы, которой я не замѣчаю по самообольщенію и которая противъ моей воли проглянула въ моихъ письмахъ? Не можетъ-быть! Въ этихъ письмахъ я кажется занимался самымъ невиннымъ дѣломъ: я наблюдалъ, сравнивалъ, анализировалъ, дѣлалъ выводы; я строжайшимъ образомъ держался логики и стремился къ дѣйствительности... Гдѣ же злоба?

Волнуемый такими мыслями я вошелъ къ г. Страхову. По обыкновенію онъ переводилъ Куно Фишера. Думалъ ли онъ о *жителяхъ планетъ*, -- какъ это постоянно утверждаютъ журналы, не могу сказать навѣрное. Тутъ произошолъ между нами разговоръ, который глубоко поразилъ меня и который, съ его позволенія, я передамъ вамъ, какъ фактъ весьма по моему мнѣнію любопытный для наблюдателя и дѣписателя нашей словесности.

-- Вотъ, сказалъ я ему, подавая сѣренькій номеръ "Гудка": -- посмотрите-ка что здѣсь написано. Я надѣюсь, продолжалъ я, запинаясь, что вы однакоже... тѣмъ не менѣе не послѣдуете этому совѣту. Но... я рѣшился по этому случаю все-таки спросить васъ окончательно: какого вы мнѣнія о моихъ письмахъ въ редакцію "Времени"?

-- Если вы уже такъ настоятельно требуете, отвѣчалъ онъ, то такъ и быть скажу вамъ прямо мое мнѣніе. Я не считаю вашихъ писемъ чѣмъ-нибудь дурнымъ или вреднымъ. Но признаюсь, я все-таки ими недоволенъ и недоволенъ по причинѣ, которая помоему очень важна: я думаю, что они бесполезны. По моему мнѣнію, они не могутъ производить никакого дѣйствія, ни дурного, ни хорошаго.

-- Какъ? воскликнулъ я. Почему же такъ? Вы полагаете, вѣроятно, что они дурно написаны, сбивчивы, неосновательны, вялы...

-- Нисколько, нимало! Въ нихъ нѣтъ большихъ недостатковъ этого рода, но зато есть недостатокъ,